

Пря о вере

Из людей старшего поколения многие помнят, какая кампания развернулась в 1950-1960-е годы в связи с введением приусадебных участков.

Выбирались места, не сильно отдаленные от города, составлялись списки, разворачивался в марше профком - и вперед! Но шло время - и рвение земледельцев постепенно угасало. Старших землепользователей одолевали годы и болезни, младшие же приезжали на участки только для отдыха. Место грядок заняли веселенькие лужайки с гномиками, тут и там поднялись цельнометаллические ограды. И постепенно сходил на - нет тот простой, веселый и дружелюбный настрой, который установился «в садах» в первые годы их существования. Теперь все усложнилось во сто крат.

Напряженность, нервность и запутанность жизни не шла ни в какое сравнение с настроением предыдущих десятилетий. Нельзя было просто прозябать в углу, надо было куда-то стремиться, самореализоваться, кого-то обгонять и т.д., и т.п.

Привычные дачные посиделки обогатились новым содержанием. Вошел в моду здоровый образ жизни. Кое-кто стал ходить в сельские храмы. Там, где до этого обсуждали только огородную агротехнику, воцарилась атмосфера духовных поисков. На верандах, увитых диким виноградом и хмелем, как стемнеет, завязывались дискуссии. Больше всего спорили об исторических судьбах России - предмет, нескончаемый до Второго пришествия.

Идейно-духовные катаклизмы не обошли и некоммерческое садовое товарищество «Аврора», поначалу именовавшееся «Путь вперед». Поскольку на рубеже двухтысячных это название звучало злой насмешкой (как его только не переименовывали!), его сменили. К кораблю - провозвестнику «Великого Октября» название никакого отношения не имело.

Свободное время проводили со вкусом. Шашлыки, барбекю на воздухе, самовары на углях... Разводили костры на берегу студеной речушки, пели песни, рассказывали страшные истории. Люди толком не знали, чего хотели. Сложившаяся на лоне природы общность бродила - выбраживала новый образ жизни, мышления, поведения, в судорожных попытках обретая адекватность моменту. Истина рождалась в спорах. Оппоненты сплетались в единый клубок, словно корни в голливудском фильме ужасов. И только группа лиц под прозвищем «духовные» держалась обособленно.

Центром этой компании был отец Сергей, настоятель храма, расположенного в полуверсте от «Авроры». По мере духовного прогресса в отдельно взятом некоммерческом товариществе храм поднимался из руин и

обретал божеский вид. Ведущую роль в общине, как и везде в церкви, играли женщины. Правой рукой Батюшки в «Авроре» была пожилая дама, вузовский преподаватель на пенсии Евфросиния Филипповна. Она была тем, что называется зам по связям с общественностью: налаживала полезные связи, тормозила народ, попутно выцеливая спонсоров, чаще - безуспешно. Среди садоводов слыла подвижницей. И вправду, Фрося, как ее называли соседки, с таким самозабвением предавалась церковным хлопотам, что на нее приятно было смотреть.

Лишь ее лучшая подруга, Агнесса Ромуальдовна, постоянно ворчала:

- Ну, что ты колготишься? Приехала отдыхать - так отдыхай. Мужики целыми днями в гамаках качаются.

- Бездельники они, ваши мужики, - с непривычной резкостью произносила Евфросиния, - тяжелее стакана в руках ничего не держали.

Агнесса вспыхнула - это был намек на ее обожаемого мужа, военного пенсионера, любителя вкусно пообедать и поспать на свежем воздухе. Собственно, Агнесса, вязальщица - виртуоз, и обеспечивала семью. Ее модели в салонах шли нарасхват. С Фросей они были давними подругами. И то, что одна - ревностно верующая, а другая - закоренелая атеистка, их дружбе ничуть не мешало. Утонченная натура Фроси страдала от непонимания подруги. Но она смирялась.

Тем не менее, и чувства, и мысли просились на волю.

Отец Сергей в собеседники не годился - он тщательно избегал всякого намека на избирательность общения. Сверстницы, такие же неофитки, отделялись отговорками. И лишь на исходе пятнадцатого года существования «Авроры» все изменилось. Вдруг разгорелись дебаты на тему: «Я и мое место в православии».

- Самое тщательное изучение догматов не заменит опыта живой веры, - горячились одни.

- Догматы - краеугольный камень жизнеустроения, - утверждали другие.

Это были такие споры, в которых все оказываются правы. Ничего нового они в себе не несли, но расширяли круг вовлеченных. Сцепились в боевой схватке и Агнесса с Евфросинией.

- Вот, вы все утверждаете: «Боже милосердный», «Бог - это любовь», и тому подобное, - начала как-то под вечер Агнесса. А в чем Его милосердие? Вон как все страдают! Маленькие дети болеют и умирают - куда это годится? Сердца у Него нет! Прямо Молох какой-то всепожирающий.

- Прекрати! Как ты можешь?- взвилась противница. Он же за нас такие муки претерпел! Распятый дал Себя...

- О-о-о-ой, да что ты говоришь? - ехидно протянула Анфиса. Распят? А что тут такого - немного потерпеть, и - пожалуйста, царствуй во веки веков!

Все Его славословят, храмы воздвигают, все в золоте, гимны поют. Народу - не протолкнешься. А зачем, спрашивается? Сказано же: не сотвори себе кумира. Целая орава попов кормится, поперек себя шире!

- Замолчи! Не смей сквернословить! - задохнулась от негодования Евфросиния. Это наш-то отец Сергей поперек себя шире?! Трех приемных детей взял в дом, да еще матушкиных родителей пригрел. Сыты, обуты-одеты. Сказано же: Чти отца своего и мать свою...

- Так ему же неудобно, он у всех на виду, - не сдавалась Анфиса. Чуть что - осудят.

- Да, осудят! Вот ты и осудила! Будешь на том свете раскаленные сковородки лизать!!! - припечатала Фрося, входя в экстаз.

Анфиса, услышав приговор, смутилась. Хоть она и считала себя атеисткой, такая перспектива ей нисколько не нравилась.

- Еще неизвестно, кто там сковородки лизать будет, а кто сливочный пломбир, - отпарировала она, но на душе вдруг заскребли кошки.

- Послушай, - виновато обратилась Агнесса к подруге, - а как Он, там, наверху, слышит, о чем мы говорим? Ведь высоко же?

- Для Него преград и тайн нет. Он Сердцеведец, все наши помыслы Ему открыты, - торжественно проговорила Евфросиния, изо всех сил стараясь не превозноситься. Вот, в Псалтыри сказано: От Господа исправляются человеку пути его.

- А что такое Псалтирь?

- Это книга духовных стихов, написанных царем и поэтом Давидом задолго до Рождества Христова. Почитай как-нибудь.

- Вот еще! Есть у меня время на какие-то стишки, - фыркнула Агнесса. Чем разъярила собеседницу окончательно.

- Да ты... да ты... хоть соображаешь, что несешь? - завопила она так, что у супротивницы в ушах зазвенело. Эти стихи, как ты их называешь, Псалтирь - основа всего богослужения. В них раскрываются отношения человека с Господом! В них - покаяние и славословие, скорбь о грехах и хвалебная песнь Творцу. Это лучшее, что создано человечеством во славу Всевышнего! А ты - «стишки»!

- Экая у вас тут пря о вере, - раздался знакомый голос за калиткой. Можно к вам, чада, на огонек?

- Пожалуйста, пожалуйста, батюшка, - бросилась к калитке Евфросиния. Входите.

В распахнутую калитку быстрым шагом вошел высокий русобородый священник. За ним, робко переминаясь, проследовали два мальчика и девочка в сарафане.

- Ой, да ведь ей же холодно, - всплеснула руками хозяйка. Лизочка, возьми мою кофту.

- Да ей в твою с головой завернуться, - заметила Анфиса. Надевай пока что, а завтра придешь - я мерки сниму и свяжу тебе новую.

- Лиза, а что надо сказать? - строго спросил отец Сергей.

- Спаси Господи.

- Не все. Надо попросить благословения. А то матушка - как ваше имя? Анфиса? - будет вязать - и у нее нитки запутаются, - пошутил он.

- А что, надо каждый раз благословение просить, как что-то делаешь? - преодолевая смущение, спросила Анфиса.

- Обязательно. Тогда все прямо будет. А вообще - знаете, что значит православие?

- Н-нет.

- Православие - это путь прямой. Правильный. К Богу.

- А как же говорят: религии разные, а бог - один? - недоуменно спросила Анфиса

- Насчет других религий - не знаю. Я лично исповедую православие. А вы? - повернулся он к собеседнице.

- Я - как все - уклончиво отозвалась Анфиса.

- Ну, и хорошо. Теперь будем знать. Заходите, как время будет.

«Ты же атеистка», - чуть не вскрикнула Фрося, но промолчала. Что-то вовремя удержало ее.

Марина Васильева

Январь 2015